

Глава 24. Хромая маленькая черепашка

В кабинете частной клиники врач, скрытый за большой белой маской, довольно небрежно прощупывал ногу Лу Сяоманя. У самого основания бедра уже проступил плотный, жгучий отек. При каждом прикосновении паренька пробивала крупная дрожь; слезы и насморк были наготове, но он лишь отчаянно кусал нижнюю губу, не издавая ни звука.

— Обычное растяжение, — врач стянул маску, явив миру чистое, почти детское лицо, а затем совершенно не по-джентльменски зевнул и покосился на Ян Хэсюаня. — И ради этого стоило ехать сюда?

Ян Хэсюань стоял, скрестив руки на груди. Он не проронил ни слова, не сводя взгляда с Сяоманя, замершего на кушетке. Видя, как Сяомань впивается зубками в розовую губу, оставляя глубокие отметины, он в два шага оказался рядом и мягко коснулся плеча юноши, пытаясь хоть немного унять его боль.

— Ладно, ладно, ты здесь босс, — вздохнул молодой врач. — Раз уж цена прежняя, то лечить растяжение куда приятнее, чем зашивать пулевые или ножевые.

Бай Жу вскинула голову, недоуменно глядя на доктора. Ян Хэсюань, чей взгляд до этого момента был полон нежности, наконец удостоил врача мимолетной, но пугающе острой вспышки ярости.

— Э-э, считайте, я ничего не говорил, — врач примирительно поднял руки и осторожно развел колени Сяоманя.

— Подожди, — прервал его Хэсюань, подхватывая Сяоманя на руки. — Спасибо, А-Вэй. Дальше я справлюсь сам. Мы уходим.

— Ты серьезно?

— С растяжением я и дома разберусь, — бросил он, уже направляясь к дверям.

— Тогда зачем привез его?

— Иначе я бы не смог успокоиться, — голос Хэсюаня прозвучал едва слышно, почти как вздох.

Он опустил взгляд на Сяоманя, который изо всех сил терпел боль. «Акула» смотрел с такой безграничной заботой, что не заметить её было невозможно.

— Босс... спасибо вам. Вы такой добрый, — Сяомань попытался улыбнуться, но на его бледном, покрытом испариной лице эта улыбка выглядела пугающе хрупкой.

Вэй Ипин проводил взглядом мощную спину Ян Хэсюаня. Тот словно вздрогнул. Врач повысил голос:

— Лу Сяомань, ты что, совсем меня не помнишь?

Ян Хэсюань обернулся. Сяомань, устроившись в его руках, посмотрел на доктора с искренним непониманием:

— Вы меня знаете?

— Я Вэй Ипин. Неужели ни единой зацепки в памяти? — симпатичный медик помрачнел.

Ян Хэсюань тоже удивился: Вэй Ипин, медицинский гений и человек с феноменальной неспособностью запоминать лица, умудрился кого-то узнать, а этот «кто-то» его в упор не помнит.

— Нет... не припоминаю.

— Да мы же в один детский сад ходили! Ты единственный, кого мне удалось довести до слез, я это на всю жизнь запомнил, — Вэй Ипин во все глаза разглядывал Сяоманя.

— До слез? — Сяомань прищурился, невольно оценивая рост врача, моргнул и вдруг звонко вскрикнул: — Ой! Это ты! Вспомнил! Ты был единственным ребенком в саду, который был ниже меня ростом! Ты же... ай, больно!

От избытка чувств Сяомань дернулся, желая прыгнуть и подбежать к старому знакомому, но резкая боль в бедре тут же заставила его скорчиться обратно.

— Хватит, — отрезал Ян Хэсюань. — Раны залечишь, тогда и будешь со старыми друзьями обниматься. А-Вэй, будь добр, подбрось Бай Жу до дома. Мы уезжаем.

Коротко кивнув девушке, он развернулся и зашагал прочь.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Двое оставшихся людей, ставших невольными свидетелями чужой близости, чувствовали лишь неловкую пустоту. Первым тишину нарушил Вэй Ипин, протянув руку:

— Мисс Бай, окажите честь, позвольте вас проводить.

— Спасибо, — холодно бросила Бай Жу и, не глядя на него, направилась к выходу.

Вэй Ипин вздохнул.

— Мисс Бай, — он посмотрел на её застывшую спину и негромко произнес: — Я знаю Генерального директора Яна не так давно, но им невозможно не восхищаться. Уверен, вы чувствуете то же самое.

Бай Жу не обернулась. Её голос был пропитан льдом:

— Доктор, к чему вы клоните?

— Не верю, что вы не видите, что он чувствует к Лу Сяоманю, — Вэй Ипин снова вздохнул. — Зачем так упорствовать?

— Ха-ха, — Бай Жу медленно повернулась.

Она горько усмехнулась, и её некогда кукольное лицо исказилось.

— Я правда не понимаю. Что в этом мальчишке такого? Хэсюань без ума, сотрудники «Тяньши» в нем души не чают... Теперь еще и вы, хотя не видели его десять лет. В чем его магия?

— Нет, нет и нет. Дело не в Лу Сяомане, а в сердце Генерального директора Яна, — Вэй Ипин спокойно приводил в порядок кушетку. — Сначала я тоже удивился, почему он проявляет такую заботу о пареньке прямо у вас на глазах, ничуть не скрываясь. Но только что до меня дошло: возможно, именно так он пытается дать вам понять... Чтобы вы отступили сами, не теряя лица. Так вам будет не так больно.

Вэй Ипин поднял голову, прямо встретив взгляд Бай Жу. Она больше не выглядела спокойной, её глаза налились яростью. Голос сорвался на визг:

— Да кто ты такой?! Как ты смеешь говорить мне подобное! Какое у тебя право?! Что ты смыслишь в том, что между мной и Хэсюанем?! Ты...

Её голос становился всё громче, пока не перешел в истерику. Гнев, копившийся в ней весь этот бесконечный день, наконец прорвался наружу.

— Ладно, ладно, считайте, я ничего не говорил, — громко прервал её Вэй Ипин.

Он развел руками, делая успокаивающий жест. Видимо, на него нашло какое-то помутнение, раз он решил прочитать нотацию дочери мэра — когда красавицы теряют самообладание, зрелище получается не из приятных.

— Уже поздно. Я отвезу вас домой.

С этими словами он, не дожидаясь ответа, вышел из кабинета.

— Сяомань, всё еще болит? — негромко спросил Ян Хэсюань, ведя машину.

— Ни капли! — Сяомань воинственно стиснул зубы.

— Правда? — Хэсюань на мгновение убрал руку с руля, собираясь коснуться его бедра.

— Больно! Больно! Ну, самую малость больно!

— Сиди смирно и не дергайся. Сегодня поедешь ко мне.

— Нельзя! — поза, в которую босс усадил его, и правда облегчала страдания, но сегодня он обещал быть у брата. — Отвезите меня к Ли Фэну. Я обещал.

— Обещал ему? — вспышка гнева на мгновение ослепила Хэсюаня. В голосе прорезались властные, почти угрожающие нотки: — Ты что, расхотел в отпуск к отцу?!

— Нет-нет, что вы! Брат разрешил мне потом вернуться в общежитие, но сегодня я должен быть у него. Мне нужно забрать вещи, — виновато пробормотал Сяомань.

Ян Хэсюань долго молчал. Сяомань, не сдаваясь, заглядывал ему в лицо, качая головой:

— Ну пожалуйста... Босс, вы же у меня самый лучший!

Даже не глядя на него, Хэсюань кожей чувствовал этот сияющий, влажный взгляд. Тяжело вздохнув, он резко крутанул руль:

— Показывай дорогу!

Когда они подъехали к дому Ли Фэна, тот как раз собирался выезжать за Сяоманем. Увидев, как машина Ян Хэсюаня тормозит и как тот бережно выносит паренька на руках, Ли Фэн ощутил, что его внутреннее спокойствие вот-вот разлетится в щепки.

— Брат! Я ранен! — Сяомань, совершенно не чувствуя сгущающихся туч, радостно отрапортовал о своем бедствии.

— Что? Ранен? — Ли Фэн в мгновение ока оказался рядом.

Он окинул взглядом покрасневшие глаза Сяоманя и посмотрел на мужчину, который его держал:

— Что произошло?

— У него растяжение. Открывай дверь, нужно немедленно приложить холод, — Ян Хэсюань сухо, но властно уклонился от попытки Ли Фэна забрать ношу.

— Хм, — Ли Фэн хотел было съязвить, но, увидев, как Сяомань жалобно сжался в комочек, молча пошел впереди.

— Ой-ой, холодно! — Сяомань заерзал на кровати.

Ян Хэсюань приложил полотенце с колотым льдом к его бедру. Правая нога Сяоманя была полностью обнажена, и он непроизвольно пытался отстраниться от обжигающего холода.

— Сяомань, потерпи, так быстрее заживет, — Ли Фэн сидел с другой стороны кровати, ласково поглаживая его по голове.

Хэсюань хранил молчание, сосредоточенно удерживая лед на месте. Он намеренно отвернулся, стараясь не смотреть на жемчужную белизну кожи на ноге паренька.

— Угу, хорошо, — Сяомань, мелко дрожа, покорно затих.

Через некоторое время Хэсюань поднял нагревшееся полотенце и вышел в кухню. Ли Фэн тут же прильнул к лицу Сяоманя, в его голосе смешались нежность и упрек:

— Ну как же так? Почему ты такой неосторожный?

— Да нет же, брат, ты не представляешь, какой я сегодня был крутой! Одним «ударом вихря» я свалил грабителя с ножом! Только, кажется, сил не рассчитал... вот и дернуло.

— Ты полез драться? — Ли Фэн посмотрел на него с опасным огнем в глазах. — А чем в это время занимался наш «мастер дзюдо» Ян Хэсюань?!

Как раз в этот момент Хэсюань вошел в комнату со свежей порцией льда. Он приложил холод к ноге Сяоманя и вскинул голову, глядя на Ли Фэна:

— Ого, не думал, что господин Ли так хорошо осведомлен о моих талантах.

— О чем вы, — Ли Фэн прищурился, не отрывая взгляда от соперника. — Кто же не знает, что мастерства Генерального директора Яна страшатся даже демоны. Или это всё пустые слухи? Раз уж он позволил ребенку пострадать.

Сяомань поспешил вклиниться:

— Брат, брат, я не ребенок!

Его, впрочем, никто не слушал.

— Сяомань пострадал, и я это искуплю. А что касается моих навыков... Что, господин Ли, хотите проверить лично? — Ян Хэсюань остался в прежней позе, но его пальцы невольно сжали полотенце сильнее.

Сяомань не выдержал:

— Ай, больно же!

Хэсюань тут же испуганно ослабил хватку:

— Прости, Сяомань! Всё в порядке?

Сяомань махнул ладошкой:

— Ничего, ничего. Вы продолжайте, не отвлекайтесь.

Ли Фэн наблюдал за этой сценой с ледяным спокойствием. Вся нежность, которой светился взгляд Хэсюаня при виде Сяоманя, была у него как на ладони. Он демонстративно постучал по тумбочке:

— Генеральный директор Ян, уже поздно. Вам не кажется, что пора ехать к себе и отдыхать?

Ян Хэсюань пропустил это мимо ушей. Он легонько похлопал Сяоманя по голове:

— Поправляйся. Пару дней на работу не выходи.

— Нельзя! — всполошился Сяомань. — Я еще не придумал сценарий для «Линхэ»! Всё нормально, уже почти не болит. Завтра точно буду как огурчик. Ну, в крайнем случае, брат меня подбросит, да, брат?

— Конечно, без проблем, — улыбнулся Ли Фэн.

— Ну хорошо... Если станет хуже, не вздумай терпеть, — Хэсюань еще раз коснулся его волос и перевел взгляд на Ли Фэна: — Холод нужно прикладывать всю ночь.

— О, не беспокойтесь, Генеральный директор Ян. Прощайте.

Двое мужчин обменивались нечитаемыми взглядами ровно три секунды. Наконец Ян Хэсюань поднялся и направился к выходу. Сяомань, окруженный такой заботой и вниманием, несмотря на боль, чувствовал, как в душе разливается удивительное тепло. Это было так приятно, что он невольно пробормотал себе под нос:

— А ведь хромать — это даже здорово. Если бы ко мне всегда так относились, я бы не прочь и насовсем остаться хромым.

Не успело последнее слово сорваться с его губ, как он тут же получил два одновременных подзатыльника — один по макушке, другой по мягкому месту.

— Ах ты, маленькая черепашка! Что за глупости ты несешь?! Накаркаешь еще!

<http://bllate.org/book/17579/1713037>